

Тян В.В.

канд. истор. наук, ЧУ ООВО
«Институт экономики и культуры»,
г. Москва

e-mail: tian39@mail.ru

Российский неокорпоратизм как антинеокорпоратизм: назревшие проблемы управления

Аннотация

Рассмотрены проблемы генезиса и практики российского неокорпоратизма в условиях информационной революции. Неокорпоратизм, сформировавшийся в последней трети XX века, проходит серьезное испытание на модальность в начале XXI века как политико-управленческая концепция. Моральное старение политических идей, доктрин, институций обусловлено характером развития общества, нелинейным процессом политической модернизации. Российский неокорпоратизм (моносубъектность власти (управления)) как антинеокорпоратизм на практике проходит испытание на этичность. В исследовании российского неокорпоратизма автор основывается на анализе политической практики. В политической науке еще не решена дефиниционная проблема в отношении российского неокорпоратизма. Нет ясности в типологической характеристике: демократической или бюрократической. Автор исследования считает российский неокорпоратизм неотрадиционалистским. Такой вывод имеет важное значение для анализа внутренней и внешней политики действующей власти. Практика российского неокорпоратизма обозначила назревшие проблемы управления. В условиях информационной революции и технологической революции традиционалистские и неотрадиционалистские методы управления теряют свою эффективность. В новых реалиях многие принципы неокорпоратизма осмысливаются в современном контексте и по их модальности в политической практике. Назревшие проблемы управления уже нельзя решать апробированными методами управления в меняющихся условиях. Научная новизна исследования: решение дефиниционной проблемы неокорпоратизма, определение инерционного характера функционирования управленческой системы.

Ключевые слова:

власть, генезис, лидерский, неокорпоратизм, российский, управленческий, система, эволюция, этатистский.

Тян V.V.

Candidate of Historical Sciences,
Institute of Economics and Culture,
Moscow

e-mail: tian39@mail.ru

Russian neocorporatism as antineocorporate: urgent management problems

Abstract

The problems of the genesis and practice of Russian neocorporatism in the conditions of the information revolution have considered in the article. Neocorporatism, formed in the last third of the twentieth century, is undergoing a serious test of modality at the beginning of the twenty-first century as a political and managerial concept. The moral aging of political ideas, doctrines, institutions is due to the nature of the development of society, the non-linear process of political modernization. Russian neocorporativizm (monosubject power (control) as anti-corporatism in practice passes the test of ethics. In the research of Russian neocorporatism the author is based on the analysis of political practice. In political science, the definitional problem of Russian neocorporatism has not yet solved. There is no clarity in the typological characteristic: democratic or bureaucratic? The author of the study considers Russian neocorporatism neotraditionalist. This conclusion is important for the analysis of domestic and foreign policy of the current government. The practice of Russian neocorporatism has highlighted the urgent problems of management. In the context of the information revolution and technological revolution, traditionalist and neotraditionalist methods of management lose their effectiveness. In the new realities, many of the principles of neocorporatism are interpreted in the modern context and in their modality in political practice. The urgent management problems already can't longer be solved by proven management methods in a changing environment. Scientific novelty of the research: solution of the definitional problem of non-corporatism, determination of the inertial nature of the management system functioning.

Keywords:

power, genesis, leadership, neocorporatism, Russian, managerial, system, evolution, ethical.

© The Author(s), 2018 This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Природа неокорпоратизма недостаточно обстоятельно изучена современными исследователями. Неокорпоратизм, конечно, есть новый корпоратизм, на который обратил внимание К. Клаузевиц, утверждавший, что люди, занимающиеся конкретным делом, «...будут неизбежно смотреть на себя как на особую корпорацию» [3]. К. Клаузевиц нашел средство для повышения жизнеспособности организации: «Корпоративный дух» является в известной степени связующим средством, спаивающим образующие ее природные силы» [3]. В корпорациях важную роль играли неформальные отношения, общество сталкивалось с таким явлением, как превращение демократических структур в олигархические.

Однако корпоратизм понимался как альтернатива непрофессионализму. Корпоративное управление воспринималось как альтернатива монособъектному управлению. Корпоративный дух объединяет всех, ибо корпорация понимается как плюралистическая система. Она, по мнению теоретиков управления, является основой для создания российской модели корпоративной системы [8, с. 192].

Классический корпоратизм в странах Европы испытывал моральное старение уже во второй половине XX в. Корпоратизм советского типа не был конкурентоспособным. Корпоратизм не утратил свою эффективность, но нуждается в эволюции. «В 1974 г. представители нескольких академических дисциплин из разных стран мира практически одновременно обратились к понятию «корпоратизм» для описания ряда особенностей политической действительности развитых демократий, которые, по мнению исследователей, далеко не в полной мере объяснялись господствующей моделью, т. е. моделью плюрализма», — утверждает Ф. Шмиттер [10, с. 14].

«Модель плюрализма», как видим, является одной из основных составляющих неокорпоратизма. Более того, в нем нет элементов этизма, допускаемого в корпоратизме. Проблема неокорпоратизма еще недостаточно изучена.

«Описание неокорпоратизма в современной России — достаточно сложная задача по нескольким основаниям», — утверждает Б. И. Макаренко — «Во-первых, само это понятие многозначно; ... Это понятие — в зависимости от контекста — может означать и государственный строй в целом, и методику агрегирования интересов, и механизм отправления политики. Корпоратизм и его версия с приставкой «нео» это — сложный политический феномен, реакция на слишком резкие перемены, это и набор политических практик, который в разных видах можно встретить и в демо-

кратических, и в недемократических государствах как в Европе, так и в Азии» [4, с. 90].

Практика показала, что неокорпоратизм утверждается в сложном политическом процессе (Бразилия, Южная Корея и др.), в демократизации политического менеджмента.

Отметим, неокорпоратизм адаптивен к модернизации, сектором, укрепляющих их позиции. Секторальная модернизация возможна при закрытости власти. Политический лексикон 90-х гг. XX в. пополнило слово «семья», в наше время всем понятно слово «друзья» («олигархи»). Как видим, дефиниционная проблема российского неокорпоратизма требует изучения. Есть подвижки ее изучения на основе практики. Нарастают тенденции вертикализации и централизации управленческой системы, что не способствует дальнейшему развитию политического и экономического плюрализма.

Высокий уровень регулятивности политического процесса не повышает степень его прогнозируемости, поскольку эволюция власти, управления носит субстанциональный характер. Обновление мобилизационной модели политического управления стало возможно в обществе, опасаящемся чрезвычайных обстоятельств, способных изменить политическую реальность.

Во властной элите после расколов 1991 г. и 1993 г. установились неотрадиционалистские отношения, которые частично переносятся на постсоветское общество. Но информационная революция и технологическая революция не может изменить эту данность. Моральное состояние элиты, как и всего общества, существенно. Массированная информационная пропаганда может повлиять на общественное мнение. Известно, выбор формы пропаганды зависит от состава аудитории. А при ухудшении ситуации в той или иной сфере (например, в жилищном строительстве) власть предлагает паллиативные решения. Возможна кристаллизация властной элиты, ранжирование партийной системы. Адаптивность к меняющимся реалиям стала отличительной чертой властной элиты. В политической практике неокорпоратизм заметно девальвирует принцип выборности и ротации власти. Но закрытость неокорпоративной системы не исключает вероятность появления амбициозных лидеров (популизм, политический эгоизм).

Направления эволюции власти нестихийны, они предопределены новыми обстоятельствами и в какой-то мере являются результатом политических компромиссов. Они носят неотрадиционалистский характер. Можно говорить о новых тенденциях, достижении политической стабильности, устраивающей

власть и ее ядерный электорат. В этой ситуации выделяется роль компромиссов в диалоге между властью и обществом. Но неокорпоратизм пока не диалогичен.

Известно, в любой политической эпохе существует своя логика действий и властных отношений. Просматривается эволюция власти в направлениях информационной вооруженности и информационной безопасности, преимущественно во благо власти. Реалии современного политического мира не отражают сложной иерархии отношений в российском обществе при контроле референтной группой властных прерогатив, осуществляемом перехватом линий влияния и энергии. Сильная личность может сплотить эту группу. Например, в ФРГ неокорпоративные проявления в стиле правления канцлера Ангелы Меркель (по ее признанию) привели к ошибкам в миграционной политике Германии [1]. И в США неокорпоратизм рассматривается в парадигме конкуренции в политической практике.

Если в основе европейского корпоратизма лежит теория корпоратизма К. Клаузевица, то генезис российского неокорпоратизма связан с европейским неокорпоратизмом, при этом сохраняет свои отличительные черты. Российский неокорпоратизм (моносубъектность власти (управления)) означает антинеокорпоратизм. В современной России прослеживается два этапа утверждения неокорпоратизма: становление и расцвет. Первый этап – 90-е гг. XX в., второй этап с 2000-х гг. по наши дни. Второй этап – включает фазу начавшегося кризиса неокорпоратизма. В Российской Федерации (далее – РФ) президентская власть персонифицирована, генетически восходит к самодержавной власти, к политической власти СССР. Плановая экономика требовала единого управления. Это привело к созданию квазиплюралистической управленческой системы. Принцип «одна союзная республика – один голос» не соблюдался, принцип соправления не соблюдается, идеи полицентризма на союзном уровне строго осуждались. Рамки исследования позволяют выделить еще несколько устаревших методов управления в СССР: секторальный, объектный, сетевой. Управленческая система опиралась на приоритеты государства. Построение сверхдержавы достаточно часто основывалось лишь на своеобразной борьбе: с мешанством и против «стиляг», с очередями за «шмотьем», с «колбасными» электричками и т. д., т. е. требовалось создание дополнительных управленческих структур. За 74 г. политическое сознание россиян в поколенческой связи старшее–среднее–младшее не отразила четко типологические отличия власти. По сути, третье

поколение было склонно к плюралистической форме реализации народной воли. В 90-е г. XX в., после событий августа 1991 г. в России подъем демократического движения привел к созданию новой политической системы и нового режима управления. В этот период формирование неокорпоратизма шло по линии вытеснения нового постсоветского корпоратизма.

Демократический транзит состоялся. Создана многопартийная система, осуществлено разделение властей, местное самоуправление, свободная печать, рыночная экономика. Гуманизация общества, социализация власти затруднительны с традиционных подходов. Гибридные модели отличаются относительной новизной, эффективны. Утаивание новой информации, консервация деформационных явлений в структурах системы. Инициатива должна исходить от власти. Институт власти – системообразующий институт. Стратегия устойчивого развития включает преодоление политической турбулентности, стабильность как результат взаимодействия общества и власти. Соблюдение прав человека – главное условие легитимации власти.

РФ социальное демократическое государство фактически с 1991 г. и юридически с 1993 г., в системе государственного управления еще много госслужащих с советским типом мышления (самоотверженность, энтузиазм, избранничество, государственный фетишизм). Демократизация общества длительный нелинейный (спиралевидный) процесс, и потому возможны политические инверсии и реминисценции.

Такая социально-политическая парадигма подтвердила свою жизнеспособность. Устройство государства федеративное, но на практике все решает унитарное правление. Если общество принимает такую данность, то резон для власти развиваться в этом направлении. Возникает много политических метафор: вертикаль власти, авторитарная власть, гибридная политическая система. Неоконсервативная политическая модернизация означает прорывы, но не поступательное развитие общества. Олицетворение облеченного высшей властью политического лидера со страной – неизбежность. Даже транзит власти в междемократическое политическое пространство не гарантирует необходимую легитимацию (губернаторские выборы 2018 г.). Попытки власти провести своих кандидатов в органы власти увеличили процент протестного голосования и спровоцировали фрустрацию ядерного электората.

Российский неокорпоратизм, оформившийся на раннем этапе демократизации общества, миновав период романтизма, стал политической реальностью

в последние годы. После прихода к власти референтной группы (МДГ), ратовавших за политические реформы, т. е. реальную модернизацию, заняв властные позиции, выполнили историческую миссию. Укрепили властную вертикаль формированием единой команды квалифицированных исполнителей в условиях моноцентричного управления. Таким образом, российский неокорпоратизм генетически восходит к европейскому.

Последняя резюмирующая часть этой исследовательской трактовки эволюции неокорпоратизма важна для изучения типологии неокорпоратизма. В неокорпоратизме можно обнаружить много «заимствований» из корпоратизма К. Клаузевица.

Новый российский корпоратизм в 90-е гг. XX в. носил демократический характер. На рубеже веков стала важной проблема транзита власти: какова модель транзита – демократическая, гибридная, традиционалистско-демократическая. С началом XXI в. началась сущностная корректировка преобразований 90-х гг. XX в. Реанимация и усовершенствование управленческой системы принесли краткосрочный эффект. Избежать негативных моментов в формировании имиджа сильной политической власти в процессе ее эволюции все же не удалось. Концепция лидерского доминирования в системе управления в современных условиях носит паллиативный характер. Гибридная управленческая система эффективна в неконкурентной среде и склонна к стагнации. Российская неоконсервативная модель эволюции власти адаптивна к консервативной политической среде. Эта модель с проекцией на турбулентность ресурсоемкая. В структуре госуправления за последние годы были проведены реформы, появились новые «силовые» ведомства, заметно диссонирующие с дальнейшей демократизацией общества. Возникла в политической науке некоторая неопределенность в отношении типологии нового российского корпоратизма. «Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический?», – на типологическую неопределенность указывает С. П. Перегудов [6].

Д. Бадовский пишет: «государство победившей бюрократии», которое «все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали» [2, с. 23].

Восприятие российского неокорпоратизма в политической практике неизбежно. Эмпирическое основание в осмыслении российского неокорпоратизма в логике развития.

Ю. С. Пивоваров, анализируя причины неудач демократического транзита: «Несмотря на все перестройки и реформы, «эссенция» русской политики

сохранилась и сегодня происходит не только и не просто возвращение к советским временам, но возвращение вообще, возвращение к тому, что было всегда» [7, с. 12]. Далее он пишет: «Истоки такого положения вещей в специфике самой русской системы, определяющей характеристикой которой выступает «властечентричность»; «главной особенностью которой является реализация властных полномочий с помощью особого новообразования – «властной плазмы..., партии власти» [7, с. 12].

«Властечентричность» русской системы, ставшая основой российского неокорпоратизма, стала препятствием для демократического транзита.

Следует отметить, на классический корпоратизм накладывается русская система («персонифицированная верховная власть») [7, с. 12].

Навес новой корпоративной структуры на прежнюю приводит к разбалансированности управленческой системы при совмещении или взаимодействии двух управленческих систем (обновленной управленческой системы (исключение дифференцированного подхода в управленческой парадигме) и демократической системы (согласование решений). По мнению автора, российский неокорпоратизм означает антинеокорпоратизм.

Этот вывод подтверждает неизбежная коррекция административных реформ, укрепляющая вертикаль управления.

Приоритетна легитимация охранительных действий «вертикали» власти, необходимость ее укрепления для достижения поставленных цели и задач – такая мотивация действий властной «вертикали» убедительна в парадигме российского неокорпоратизма как антизападного.

Следует отметить, активная внешняя политика власти РФ по сохранению паритета в военной сфере и статуса великой державы, что стратегически правильно, не всегда достаточно продуманы тактически, носят спонтанный характер. У общества нет уверенности в том, что приняты важные, этактистские решения. У молодой российской власти нет накопленного опыта демократического правления. На уменьшение внешней опасности государство затрачивает огромные ресурсы, при этом в какой-то мере ослабляются нормы правового государства, что прямым образом отражается и на инвестиционном климате, и пока лишь западные политики выражают озабоченность по поводу российских, что называется, кейсов. Отлаженная бюрократическая и управленческая система двухуровневая (команда второго президента РФ фактически поднялась на первые позиции, фактически сохранена бывшая советская номенклатура), более того значительно усилилась

роль силовых ведомств. Исполнительский подход в принятии важных государственных решений отражается на их качестве. Предложения, исходящие от высшей власти, практически мгновенно и корпоративно принимаются всеми органами власти. Этот неокорпоративный подход довлеет в осуществлении «скучной» внутренней политики, корректируемой успехами во внешней политике. Это расцвет или кризис неокорпоратизма?

При минимизации значения корпоративности можно констатировать кризис неокорпоратизма, вызванный бюрократизацией и герметизацией управленческой системы.

Адаптация западных моделей эволюционных процессов к российской действительности носила противоречивый характер, перспективно создание на базе западных проектов. Она предопределила специфику политической модернизации в России. Однако гибридные модели модернизации подвергались быстрому моральному износу. Перспективны российские модели, созданные на базе западных политтехнологических новинок.

Моральное старение политических идей, концепций, доктрин, институций обусловлено характером развития общества. Но моральное старение обновленных политических концепций (в т. ч. российского неокорпоратизма) обусловлено модернизационным процессом и нарастанием темпа информатизации общества. Смысловое наполнение этой своего рода политической доктрины позволило бы повысить устойчивость политической системы в условиях негативной стабилизации. Современное общество далеко не безучастно к попиранию законности, справедливости, не приемлет политического эгоизма и отдает предпочтение политической толерантности, чем политическому доминированию. В связи с этим если европейский неокорпоратизм адаптирован в демократическую среду, то в переходных обществах наблюдается его моральное старение. Не исключение и российский неокорпоратизм, который, в сущности, вступил в фазу дефиниционного переосмысления.

С учетом важности изучения проблемы генезиса и морального старения российского неокорпоратизма как управленческой системы в условиях информационной революции, автор сделал выводы на основе анализа практики. Неокорпоратизм, сформировавшийся в последней трети XX в., подвергся моральному старению в начале XXI в. как политическая концепция.

Поскольку общество оберегает ту систему, ту модель управления, ту власть, которые обеспечивают им безопасность и защиту их прав и свобод,

то необходимо оценить прохождение российским неокорпоратизмом в условиях негативной стабилизации испытания на этичность. С начала 2000-х гг. после президентских выборов новая корпоративная структура переносит свои кодированные этические нормы в дочерние структуры, которые не взаимодействуют между собой. Наблюдается тенденция преобразования дочерних структур в поддочерние и в филиалы. Неокорпоративные структуры нависают на корпоративные структуры 90-х гг. XX в. Такая переструктуриция управленческой системы придала ей инерционный характер развития. Происходит реанимация с некоторой коррекцией схемы корпоративного правления эпохи советского застоя. Такая стабилизация политического процесса рассматривается нами как начало морального старения (кризиса) неокорпоратизма как системы. Следует отметить, принципы неокорпоратизма не применимы при регуляции межсубъектных отношений.

Способы проверки информации и методы принятия решений из советских времен. Подсистемы управленческой системы настроены на получение информации из центра управления. Обычно подсистемы лишены возможности для взаимодействий в обработке информационного потока, что создает условия для расширения аппарата управления.

Новые методы принятия решений были направлены на повышение устойчивости политической системы (конкурсный отбор сотрудников госаппарата, перераспределение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ).

Как известно, универсальных теорий принятия решений множество, но они применимы в патерналистском обществе в адаптированном виде. Неокорпоративная модель принятия решений, как российская, своего рода авторизованная модель, оказалась более действенной, чем демократическая.

Одна из важных мотиваций инициаторов неоконсервативной модернизации — сохранение сильной и устойчивой власти, обеспечивающей стабильность политической системы.

По нашему мнению, в современной политической практике российский неокорпоратизм утвердился как бюрократический, олигархический и неотрадиционалистский.

Размер корпоративного (олигархического) капитала подтверждает правомерность нашего определения российского неокорпоратизма как олигархического. Но неокорпоратизм российский характеризуется как неотрадиционалистский. Как известно, не референты отечественных компаний могут владеть 20 % акций, т. е. иноинвесторам предлагается роль благотворителя. В такой ситуации прогнозировать

улучшение инвестиционного климата неэтично. Усугубляет ситуацию рейдерство, коррупция и т. п. Эту же картину воссоздают в политическом пространстве. Неокорпоративная структура создает дочерние структуры, те создают свои дочерние структуры, усиливая свое доминирование. У чиновника есть возможности для семейного или дружественного бизнеса, распоряжения бюджетными средствами. Герметизация управленческой системы находится в логике российского неокорпоратизма. Но в и политических партиях ощутим дух неокорпоративизма, в них царят единодушие и единомыслие (консолидированное голосование парламентских фракций в Госдуме). Добиться разгерметизации системы у общества мало возможностей. Более того, корпоративный дух, корпоративная солидарность царят во властных структурах, в т. ч. в судебском корпусе.

Многие решения (приговоры) судов банально предсказуемы. Такие приговоры калечат судьбы россиян и наносят огромный вред государству.

Есть основания для такого утверждения. Беспокоит и то, что количество обращений граждан РФ в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) довольно велико. «Количество жалоб в ЕСПЧ против России в 2017 г. сократилось. Согласно докладу Министерства юстиции в 2017 г. продолжилась тенденция сокращения количества находящихся на рассмотрении Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) жалоб против России. В 2016 г. их было 7,82 тыс., в 2017 г. – 7,74 тыс.» [5]. Если власть предпочитает не заботиться об обратной связи с обществом, то не создаются условия для диалога. При этом никак не нарушается суверенность власти. Происходит осознание необходимости диалога. Происходит гуманизация власти. Это дает основание говорить о возможности решения проблем в пользу общества. Но реальная гуманизация власти – это ее готовность к диалогу. Однако излишняя бюрократизация и герметизация управленческой системы затрудняют диалог с обществом, являющийся основополагающим принципом публичной власти.

По действиям власти видна ее попытка адаптации к условиям современной модернизации. Контекст консервативной модернизации – формирование институтов, соблюдение законов, консолидация общества. В условиях неоконсервативной модернизации несовершенство организационных структур объективно. С начала XXI в. начали исчезать демократические партии. Ныне в Государственной Думе Федерального собрания РФ «Единая Россия» (партия власти) имеет самую большую фракцию, единоросы составляют конституционное большинство. При этом политические программы других

партий и в т. ч. несистемных, не находят широкой поддержки. И в этой ситуации возможен и необходим диалог между политическими акторами, ибо основа политической стабильности – демократические ценности (справедливость, политическая толерантность). В зеркале политического процесса российский неокорпоратизм выглядит банально.

Лидерский неокорпоратизм, по сути дела, рассчитан для сильной личности. Для политических лидеров информационная революция открывает новые политические площадки, и этот новый, по существу, ресурс становится прерогативой политической власти. При контроле над информацией политический лидер менее зависим от окружающих его соперничающих групп. В этой ситуации информационная революция становится важным фактором политической модернизации. И в этой ситуации очевидны поиски нового направления в трансформации управленческой системы, как-то: предложение альтернатив российскому неокорпоратизму; устранение противоречий в сфере управления. Новое направление характеризуется отступлением от принципов, которые приняты обществом. Для репрезентативных выводов следует принять во внимание общественное мнение. Принятие решений – прерогатива власти. Суверенитет власти в условиях информационной и технологической революций является приоритетным. Суверенная власть должна обеспечить обществу развитие достижениями технологической революции. Это предполагает взаимодействие на основе диалога, референдума и т. д. С точки зрения власти, достигнута политическая стабильность с помощью контроля над политическим процессом, фильтрация, маргинализации оппозиции, и т. д. В таком случае возможен некий откат от модернизационного контента. А волнообразное нарастание модернизационного процесса – в определенной мере закономерность, т. к. связано с человеческим фактором. Мы отмечали, что почти все реформы в России инициированы государственными деятелями, в т. ч. не облеченными высшей властью.

Следует отметить, лидерский неокорпоратизм не предполагает проведение крупных акций без участия лидера страны. Сохранение института преемничества, партии власти – сущность лидерского неокорпоратизма.

Поэтому введение губернаторского и муниципального фильтров для укрепления вертикали власти оправданно, но ослабляет демократические основы государства. Поэтому частичное восстановление губернаторских выборов с сохранением фильтра тоже вполне объяснимо. Появление сильных губернаторов в обозримом будущем маловероятно. Моносуъектность власти зиждется на исполнительности

глав регионов. Решение проблем субъектов РФ переносится в федеральный центр. Но намерение центра дать импульс для развития сопряжены с концепцией политического лидерства.

Общество тревожит то, что не создается условий для появления альтернативы правящей партии, не отмены фильтры для кандидатов в органы власти. Новые импульсы, исходящие от власти, способны направлять политический процесс в нужном для власти направлении. В лидерском неокорпоратизме просматривается следующая модель взаимодействия власти и гражданского общества. Следует отметить, поскольку горизонтальные отношения развиваются неподконтрольно вертикальным структурам, то значение импульсов заметно возрастает.

Восприятие изменений неоднозначно, поэтому принимаются меры по обнародованию разных точек зрения, в том числе президентской власти при принятии решений.

Президент вносит коррективы в проект. Это способствует тому, что решения будут взвешенные. Таким образом, консолидирующая роль института президента будет усиливаться, особенно при разрешении конфликтной ситуации. Президент страны может призвать стороны к компромиссам. Президент страны не будет усугублять конфликт. Это новое направление эволюции политической власти: от политической стабильности к безопасности системы. Не политическая конкуренция и нахождение своей ниши в политической устроении общества. Мозаика мнений – основа для политической стабильности, если будет учтено каждое мнение.

Итак, модель взаимодействия вызывает необходимость реструктуризации управленческой системы с целью очищения от устаревших схем управления и коммуникаций. Импульсы, идущие от общества (выборы последних лет), «встрянули» политическую реальность. Появление альтернативы правящей партии призрачно. Властная элита превращается в политический класс. Привычное для общества преемничество, безальтернативный лидер, партия власти – фабульные контрапункты общественного сознания на этапе перехода в новую политическую реальность.

Создана система, которая мобилизует общество, при этом личные интересы не должны вступить в противоречие с интересами государства. При этом власть стоит на страже интересов государства в ее понимании. Импульсы, исходящие от власти, указывают на приоритетности государства. Важно, что эти импульсы должны нести положительный заряд. Но никто не может изменить без согласия положение вещей. И так по вертикали власти. Персонифицированная модель власти безальтернативна. В этой ситуации

самоконтроль подсистемы при существующей системе неэффективен, поскольку у них свои задачи, свои негосударственные интересы. Корпоративность во властных системах не способствует установлению объективности.

Но власть пытается наладить обратную связь с обществом. Как известно, атомизированное общество восприимчиво к традиционному управлению. Разобщение социальных групп является фоном для адресного контроля. Отход от манипулятивного управления к инновационному означает определенное освобождение от традиционного управления.

Снижение имиджа власти иррациональными действиями небезразлично власти. Принимаются меры по поднятию имиджа. Возвеличивание образа власти в момент падения рейтинга власти – новое в политтехнологическом ресурсе. В атомизированном обществе сохраняется двойственное отношение к власти, и сближение власти с народом возможно на взаимном доверии и согласии. Особенно для людей, все более нуждающихся в общении в соцсетях. Поводов и тем для общения предостаточно.

Хотя бы бюрократические мемы последнего времени «Денег нет, но вы держитесь», «Государство вам ничего не должно» и т. п. свидетельствуют о об устаревшем представлении о целях и задачах власти у несменяемой власти.

Осуществляются меры по достижению лояльности к власти со стороны молодежи пропагандой традиционных ценностей.

Власть, отстаивая свои интересы, вынуждена выслушать отдельного члена общества. Открытость внутренней политики в информационном обществе должна быть принципиальна. Уровень взаимодействия власти и общества по разрешению назревшей проблемы снижается при персонификации власти. Осуществляются меры по достижению лояльности к власти со стороны молодежи пропагандой традиционных ценностей.

Власти удалось добиться политической стабильности с преференцией для себя во благо общества (удалось убедить общество).

На новом направлении эволюции власти большое место занимает обработка старой информации на подступах к демократии. Демократия многообразна, потому что многофакторна. Демографический фактор в политической жизни один из определяющих. Меры, принимаемые на укрепление государства, незапоздалые, гасят позитивный заряд, как отзыв на пожелания людей. Контроль над общественным мнением – цель власти. Технически эта задача выполнима. Проблемы правового и морального порядка.

Ф. Фукуяма говорит о неоконсерватизме как факторе сложных процессов, возможных в ближайшей перспективе [9]. Научный прогноз был точным.

Понимание позитивности демократических интенций у значительной части общества важно для анализа политического процесса.

Следует отметить, маргинализация оппозиции, ее минимизация не содержат позитивного тренда. Философия внутренней политики (объяснение кризиса, выполнение социальных обязательств, укрепление обороноспособности страны, обоснование импортозамещения и т. д.) справляется с информационным потоком. Новые направления эволюции власти, известные и малоизвестные, связаны с технологической революцией. Усиление контроля над финансовыми потоками современными средствами (электронное правительство, маркетинг и т. д.). В связи с тем, что экономика, в том числе цифровая, контролируется властными структурами, не так часты импульсы развития.

Во властной элите единство и спаянность. «Олигархи» при власти, но не могут оказать влияние на политическую жизнь в стране с 2000-х гг. Суверенность власти сохраняется при поддержке общества, достаточной для реальной легитимации.

Российские выборы при достаточно высокой явке избирателей еще предсказуемые. Но на примере голосования в Приморском крае, Хакасии и др. регионах явственны новые тенденции в политическом процессе, хотя оставляют много вопросов. Поэтому выборы нуждаются в совершенствовании. Институт выборов должен быть независимым. Есть подвижки в приближении к современным стандартам. У власти достаточно ресурса для политической стабильности. Но остается строгой стилистика власти, но отдельные представители власти артикулируют, что они владеют ситуацией.

Таким образом, бюрократизация и герметизация неокорпоративной управленческой системы все же не являются значимыми факторами гуманизации и демократизации общества как современный тренд в цивилизационном дискурсе. В этой ситуации российский неокорпоратизм рефлексировал на симптомах кризиса. При предельной бюрократизации и полной герметизации управленческой системы наступает пик кризиса системы.

Решения центральной структуры растворились в дочерних и поддочерних структурах, коэффициент эффективности управления сводится к минимальным значениям (коррупция, «распил» бюджетных средств и т. д.). У общества возможно изменить негативную ситуацию ограничены.

Эта законопослушная часть общества – электорат сильной власти. Реформы ухудшают материальное положение этой части общества.

Власти важно поддержать свою реформаторскую парадигму, ценой имиджевых потерь. Наблюдается некоторое новое понимание, почему значительная часть общества не доверяет правительству. В этих условиях решение социальных проблем, неотложных, сложных, потому единой командой, убежденной в своей правоте, при минимальной поддержке общества обретает легитимность.

Поскольку общество не может внести во властную элиту демократический дух, то оно должно выразить свое отношение в практике назначения друзей на ответственные должности, добиваться прозрачности в финансовой. Гегелевский закон перехода количества в качество действителен.

Данное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Научная новизна исследования: решение дефиниционной проблемы неокорпоратизма, определение инерционного характера функционирования управленческой системы.

Информационная революция стала одним из основных факторов морального старения (кризиса) российского неокорпоратизма. Концепция закрытости, герметизации системы наносит определенный урон российской модернизации. В новых реалиях многие принципы неокорпоратизма осмысливаются в современном контексте и по их модальности в политической практике. Назревшие проблемы управления уже нельзя решать апробированными методами управления в меняющихся условиях. Необходимо совершенствовать методы решения проблем управления (по категориям):

- а) транзитный (от инерционной модели развития к инновационной модели развития с оптимизацией сроков и методов перехода;
- б) метод дифференцирования управленческих функций;
- в) метод математического моделирования;
- г) независимый мониторинг.

Причины морального старения российского неокорпоратизма как концепции действующей управленческой системы:

- а) нависание новой структуры на прежнюю;
- б) сквозной контроль неокорпоративной системы;
- в) монополизация управленческой системой.

Очевидна эксплуатация позитивной информации. Современная технология распространения фэйковой информации беспокоит общество. Плодами этой информационной революции могут воспользоваться политические конкуренты.

Отсутствие реального функционирования многопартийной системы компенсирует вертикализация управленческой системы. Намечаются новые направления эволюции власти: сильный федеральный центр — экономически сильные регионы. Важное направление деятельности власти — развитие цифровой экономики. Но остаются под дистанционным управле-

нием: кластеры, свободные экономические зоны, что обуславливает инерционную динамику развития. Российский неокорпоратизм приводит к моральному старению управленческой системы. Следовательно, моральное старение российского неокорпоратизма стало неизбежным в субстанциональной эволюции российской власти и системы управления.

Библиографический список

1. «Ангела Меркель о миграционной политике Германии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://sharij.net/132012> (дата обращения: 20.10.2018).
2. Бадовский, Д. Модернизация России: снова на развилке / Д. Бадовский // Россия в глобальной политике. — 2009. — Т. 7. № 3, май—июнь. — С. 23-35.
3. Клаузевиц, К. О войне [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://royallib.com/book/klauzevits_karl/o_voynе.html (дата обращения: 12.10.2018).
4. Макаренко, Б. И. Неокорпоратизм в современной России / Б. И. Макаренко // Сравнительная политика. — 2011. — № 2. — С. 90.
5. Об обращении граждан РФ в ЕСПЧ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3547592> (дата обращения: 20.10.2018).
6. Перегудов, С. П. Новый российский корпоратизм: демократический или бюрократический? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Peregudov_1997_2.pdf (дата обращения: 15.10.2018).
7. Пивоваров, Ю. С. Русская Власть и публичная политика (Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) / Ю. С. Пивоваров // [Электронный ресурс]. — Полис. Политические исследования. — 2006. — № 1. — С. 12-32.
8. Потанин, В. О. Корпоративное управление: на пути к «российской модели» / В. О. Потанин // Россия в глобальной политике. — 2003. — Т. 1, № 3, июль — сентябрь. — С. 192-208.
9. Фукуяма, Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма. — М.: Изд-во «АСТ», 2007. — 288 с.
10. Шмиттер, Ф. Неокорпоратизм / Ф. Шмиттер; пер. с англ. В. Н. Дикевича, О. Г. Харитоновой, Л. А. Галкиной // Полис, 1997, № 2. — С. 14.

References

1. Angela Merkel' o migratsionnoi politike Germanii [*Angela Merkel about the migration policy of Germany*]. Available at: <https://sharij.net/132012> (accessed 20.10.2018).
2. Badovskii D. Modernizatsiya Rossii: snova na razvilke [*Modernization of Russia: again at a fork*]. Rossiya v global'noi politike [*Russia in global politics*], 2009, V. 7, I. 3, May-June, pp. 23-35.
3. Klauzevits K. O voine [*About the war*]. Available at: [Https://royallib.com/book/klauzevits_karl/o_voynе.html](https://royallib.com/book/klauzevits_karl/o_voynе.html) (accessed 12.10.2018).
4. Makarenko B. I. Neokorporatizm v sovremennoi Rossii [*Neokorporatism in modern Russia*]. Svrnitel'naya politika [*Comparative Politics*], 2011, I. 2, p. 90.
5. Ob obrashchenii grazhdan RF v ESPCh [*About appeals of citizens of the Russian Federation to the ECHR*]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3547592> (accessed 20.10.2018).
6. Peregudov S. P. Novyi rossiiskii korporatizm: demokraticeskii ili byurokraticeskii? [*New Russian corporatism: democratic or bureaucratic?*]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Peregudov_1997_2.pdf (accessed 15.10.2018).
7. Pivovarov Yu. S. Vlast' i publichnaya politika (Zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita) [*Russian Power and Public Policy (Historian's notes on the reasons for the failure of democratic transit)*]. Polis. Politicheskie issledovaniya [*Polis. Political studies*], 2006, I. 1, pp. 12-32.
8. Potanin V. O. Korporativnoe upravlenie: na puti k «rossiiskoi modeli» [*Corporate Governance: Towards a «Russian Model»*]. Rossiya v global'noi politike [*Russia in Global Politics*], 2003, V. 1, I. 3, July-September, pp. 192-208.
9. Fukuyama F. Amerika na rasput'e. Demokratiya, vlast' i neokonservativnoe nasledie [*America at the crossroads. Democracy, power and neo-conservative heritage*]. M.: Publishing house «AST», 2007, 288 p.
10. Shmitter F. Neokorporatizm [*Neo-corporate*]. Polis, 1997, I. 2. — P. 14.